

Джон Клиз, специалист по тест-просмотрам

Сюзен ХОУАРД

Несколько месяцев назад английский комедиограф Джон Клиз ответил на этот вопрос: "Леопардом". Но сегодня он без колебаний говорит: "Жирафом". Очевидно, за несколько месяцев его отношение к собственной персоне заметно изменилось.

Новый фильм Джона Клиза "Яростные существа", над которым он работал в качестве сценариста и актера (постановщиками стали Роберт Янг и Фред Скепси), не имел успеха в американском прокате, хотя неплохо прошел на родине Клиза в Англии. Речь в этой комедии идет об английском провинциальном зоопарке, который хочет привлечь к рукам жадная американская корпорация, чтобы построить на его месте поле для игры в гольф. Место директора зоопарка (Джон Клиз) занимают двое энергичных американцев, которых играют Джейми Ли Кертис и Кевин Клайн. Но сотрудники зоопарка готовят пришельцам немало неприятностей...

Клиз собрал в этом фильме практически весь звездный состав из своего предыдущего хита "Рыбка по имени Ванда". Поставленный в 1988 году Чарльзом Крайтоном криминальный фарс имел огромный успех по обе стороны океана и завоевал "Оскара" для Кевина Клайна. Наверное, поэтому в новом фильме у Клайна целых две роли — зловредного миллиардера Рода МакКейна и его сына Винса, обозленного на жизнь. В "Яростных существах" Клайну снова достались самые вкусные реплики — в частности, он обыгрывает героя Клиза "жирафом-гомосексуалистом" и "бракованным фламинго". Однако вряд ли две роли принесут Клайну двух "Оскаров". Или хотя бы одного. Даже после долгих переделок и доделок "Яростные существа" не произвели на Америку особого впечатления.

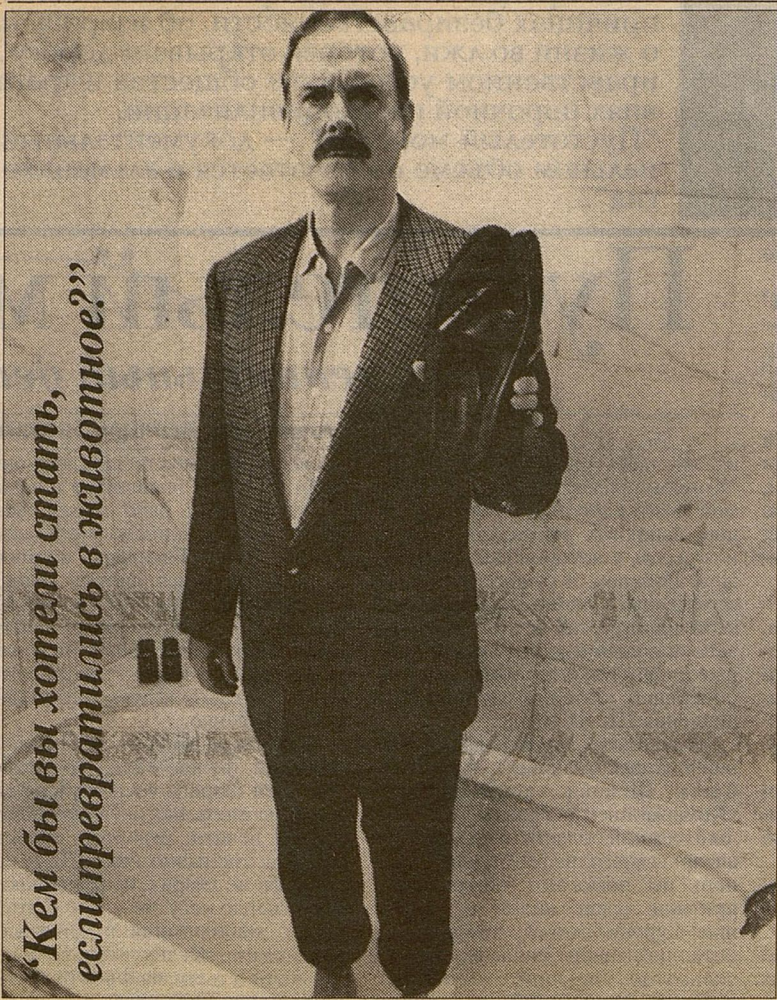
Фильм был готов еще в ноябре 1995 года. Клиз и его соратники устроили ряд тест-просмотров для американской аудитории и убедились, что зрителям не нравится конец. Летом 1996 года в лондонских павильонах производились пересъемки финала, и только в начале 1997 года "Яростные существа" увидели свет.

Помнится, у "Рыбки по имени Ванда" вначале тоже был другой финал: неоразом нахального киллера в исполнении Клайна закатывали в цемент, но американская аудитория не оценила черного британского юмора и потребовала вернуть его с того света. В финальной версии киллер Отто в последнем кадре пытается открыть иллюминатор самолета, в котором летит влюбленная парочка — Клиз и Джейми Ли Кертис.

"Мы 12 раз показывали "Рыбку" на тест-просмотрах, — вспоминает Клиз. — Конечно, снимая фильм, ты фантазируешь, как зрители начинают хохотать еще на вступительных титрах, а по ходу фильма рыдают от смеха, падают с кресел, и нескольких приходится отвезти в больницу из-за непрекращающейся истерики. А на следующий день критики пишут, что ты снял самый смешной фильм всех времен и народов. Но на самом деле все гораздо прозаичнее. Фильм не будет смешным, пока ты не доведешь его до совершенства. Если шутка срабатывает только на 90 процентов, значит она не работает на пользу фильму. Она должна работать на 97-98 процентов. Повторю, мы 12 раз терзали "Рыбку" на тест-просмотрах, после каждого показа тщательно обрабатывали анкеты и переделывали фильм. Да что там анкеты! Мы прятали в зале несколько диктофонов, чтобы по ним отслеживать, когда напряжение в зале поднималось, когда зрители начинали скучать и переговариваться. Первый конец был неудачным. Мы его сначала переделали без досъемок, просто кое-что перемонтировали. Все равно не то. Пришлось четыре дня снимать новый конец. Самое смешное, что после всех этих мытарств на последнем тест-просмотре оценки фильма были практически те же самые. Продюсеры считали, что конец у нас все равно неудачный. Но мы-то знали, что фильм стал лучше."

"Рыбка по имени Ванда" собрала в американском прокате более 75 миллионов долларов и от ее создателей срочно потребовали продолжения. Однако прошло более 7 лет, прежде чем Клиз, Клайн, Кертис и другие актеры, снимавшиеся в "Рыбке" снова собрались на съемочной площадке. От них ждали продолжения истории про ограбления, мошенничества и лжесвидетельства, а они сняли кино про хищников и травоядных — как в зверином, так и в человеческом обличье. "Это не фильм-продолжение, а фильм-встреча, — говорит Клиз. — Нам было очень забавно работать вместе на "Рыбке", и мы решили — почему бы и нет?"

“Кем бы вы хотели стать, если превратились в животное?”

Однако вряд ли работа над фильмом затянулась почти на два года из-за того, что актерам было приятно сниматься в компании друг друга. Переделки "Яростных существ" были еще более кардинальными, чем в случае с "Рыбкой".

"После первого показа "Яростных существ" на английских тест-просмотрах я подумал, что народ прекрасно реагирует, много смеется, и единственная проблема у нас — придумать другой конец. Может быть, если мы смонтируем правильно, все будет в порядке. Затем мы поехали в Америку, и я понял, что здесь нам это с рук не сойдет. В газетах писали, что проблема в разнице английского и американского менталитета, но это здесь ни при чем. Просто американцы острее чувствуют запах хита. У нас была одна замечательная сцена, в которой мы скармливали Кевина Клайна представителям семейства кошачьих. Кэйси Силвер, глава студии Universal, сразу же сказал: "Здесь пахнет хитом, но конец нужно переделать напрочь. Убивать Кевина — большая ошибка. Черт побери, ребята, вы постоянно делаете из него подлеца и нахала, но зрители принимают его героев на ура! Пришлось капитально переделывать финал."

Не ирония ли судьбы — раньше Клиз был участником знаменитого британского юмористического телешоу "Монти Пайтон", которое специализировалось на отсутствии концов, вернее, на антиконцах.

"Конечно, в телескетчах такое сходило с рук, — соглашается Клиз. — Но в фильме это невозможно, и я вам объясню, почему. На телевидении можно обойтись без крепкого сюжета, просто нанизать шутки и приколы друг на друга. В кино все совершенно иначе. Когда мы, группа "Монти Пайтон", снимали свой первый фильм "А теперь кое-то совершенно иное..." в 1971 году, мы устроили тест-просмотр в кинозале в Хэверсток-хилл. Зрители были настроены очень дружелюбно. Первые 55 минут они без перерыва смеялись, а потом вдруг замолчали. Минут пятнадцать они сидели очень тихо, а к концу снова начали смеяться. Мы, дураки, решили, что самое смешное шутки у нас вначале и принялись кропать фильм и переставлять побольше приколов в конец первого часа. Снова показали зрителям, и они снова перестали смеяться на 55 минуте! Мы еще раз все переставили — тот же результат! Вот тогда-то мы и поняли, что если в комедии нет жестко структурированного сюжета, зритель выдержит около

часа — как раз на столько рассчитаны телевизионные юмористические шоу. А для того, чтобы зритель внимательно следил за происходящим более часа, нужна очень хорошая история."

Порой, говорит Клиз, зрительскую реакцию приходится просчитывать буквально по секундам.

"В "Рыбке" есть очень смешной момент: я в голом виде читаю по-русски стихи, потому что героиня Кертис возбуждается только от иностранных слов. На первом тест-просмотре зрители покатились со смеху, но тут же появились другие персонажи, и им пришлось давиться смехом, чтобы расслышать диалог. Поэтому мне пришлось выучить еще одно четверостишие по-русски, и сцена получилась почти в два раза длиннее, чтобы зрители могли отсмеяться, а на диалогах немного передохнуть от смеха. А сцена, в которой Клайн ловит живую рыбку из аквариума, поначалу была вдвое длиннее, и после первого же тест-просмотра мы ее сильно сократили, потому что к концу зрители перестали смеяться."

Каверзный вопрос — а кто решает, что убирать, а что оставить? Не обиделся ли Кевин Клайн, что его сцену в два раза сократили, а сцену Джона Клиза в два раза продлили?

"Чаще всего мы собираемся и решаем голосованием. Иногда я остаюсь в меньшинстве. Впрочем, нет худа без добра. Может быть, я жив до сих пор только потому, что в начале моей карьеры остальные проголосовали против моего материала. Когда мы делали фильм "Монти Пайтон и смысл жизни", я вместе с Грэхэмом Чепменом написал издевательский прикол про аятоллу Хомейни и исламских экстремистов. Мне казалось, что это очень смешно. Остальные сочли прикол отвратительным, и в финальный монтажный вариант он не вошел. Потом, когда произошла история с Салманом Рушди, я с содроганием осознал, что после показа этого прикола тоже мог бы стать объектом охоты экстремистов. Поэтому считаю, что обязан моим коллегам жизнью."

Жизнь Джона Марвуда Клиза началась 57 лет назад в английском городке Уэстон-Супер-Мар. Он был единственным сыном у пожилых родителей, и поэтому с детства его держали под стеклянным колпаком. После школы долговазый парень (рост Клиза 1 м 98 см) направил свои стопы в Кембриджский университет на юридический факультет. Клиз отвергает предположение, что в университете он в основном валял дурака, однако охотно признает-

ся, что еще на первом курсе его приняли в студенческий театральный клуб Footlights Club, где он познакомился с Майклом Палином, Терри Джонсом, Грэхэмом Чепменом и Эриком Айклом (позже, когда к ним присоединился американец Терри Гиллиам, эта компания превратилась в труппу "Монти Пайтон").

"Когда я пришел в Кембридж, то думал, что теперь всю жизнь придется голосовать за консерваторов, — смеется Клиз. — Думаю, в те годы у меня совершенно не работало воображение, я был типичным продуктом буржуазной среды". Войдя в новую среду, Клиз все не стал божеством художником: по словам актера, он никогда не напивался до свинского состояния, почти не баловался наркотиками. Чем же он тогда занимался?

"Целовался. Мне нужно было много навестывать."

Несмотря на постоянную работу в юмористическом клубе, Клиз долгое время не представлял себя профессиональным актером. По его словам, он увлекался живописью, археологией, литературой, иностранными языками (поэтому без особого труда выучил строки Лермонтова, которые пришлось декламировать в "Рыбке"). Даже когда шоу "Монти Пайтон" пригласили на Би-Би-Си, Клиз долго полагал, что это временно и скоро ему придется заняться чем-нибудь более прозаическим, нежели ниспровержение британских традиций и устоев. "Остальные ребята из "Монти Пайтона" считали меня занудой и брюзой", — вспоминает он. Но через пару сезонов стало ясно, что "Монти Пайтон" пришел надолго, и одним из самых ярких участников шоу стал Клиз, "чокнутый джентльмен", как называли его англичане.

С начала 70-х годов труппа перебралась в кино: вышло много кинолент, в которых участники "Монти Пайтона" хулиганили на большом экране, и последним на сегодня стали "Яростные существа". Впрочем, и помимо "Монти Пайтона" Клиз много снимался — как в Англии, так и в Голливуде. До сих пор он вспоминает, как однажды попал в чисто американский жанр — вестерн "Сильверад" Лоуренса Кэздена. "У меня там крошечная роль шерифа Лэнгстона, но для нее пришлось почти месяц брать уроки верховой езды. Это было замечательное время. Мы тренировались большой компанией — вместе с Кевином Костнером, Брайаном Деннехи, Кевином Клайном, Скоттом Гленном, Дэнни Гловером. Мне пришлось заново учиться сидеть в седле — по-американски, совершенно прямо, как в вестернах. Почти каждый день на наши тренировки приходил Ларри Кэзден, грустно смотрел на меня и приговаривал — нет, этому парню нужна лошадь побольше. На следующий день мне приводили новую лошадь, и все повторялось. Они пять раз меняли мне лошадь. Под конец откопали где-то такую здоровенную кобылу, что если бы я с нее свалился, то свернул бы шею."

В новом фильме Джона Клиза ему предстоит снова сесть на коня. Английский комедиограф сыграет в фильме "Дон Кихот", который Фред Скепси начал снимать в марте 1997 года. "Пришлось изрядно потрудиться, тренироваться, вспоминать прежние уроки верховой езды, — говорит он. — Предстоит много скакать и сражаться, Робин Уильямс будет постоянно втягивать меня во всякие заварушки..."

Рыцаря печального образа играет Робин Уильямс, один из самых кассовых голливудских актеров. Разумеется, Клиз и не рассчитывал на роль Дон Кихота. "Вообще-то из этой истории легко сделать безумную комедию в стиле "Монти Пайтона", — говорит он. — Но Голливуд видит ее немного иначе. Впервые в жизни я попал в центр огромного 60-миллионного голливудского проекта. Вокруг столько беготни, столько шума..."

Клиз не признается в мечтаниях о большой голливудской славе. Но наверняка не случайно его героя в "Рыбке по имени Ванда" зовут Арчи Лич — это настоящее имя голливудского сердцееда, известного всему миру под псевдонимом Кэри Грант.

"Голливудская слава — пшик, — говорит тем не менее Клиз. — Моя нью-йоркская квартира расположена в том же самом доме, что и квартира сценариста Уильяма Голдмана. Он однажды написал про Голливуд: "Никто ничего не знает". В смысле — в шоу-бизнесе никто не понимает происходящего, не знает, провалится фильм или будет иметь успех, не представляет себе, что будет завтра с ним лично. Когда я впервые встретился с Уильямом, спросил его, не преувеличение ли это. Сегодня я думаю, что он большой оптимист."

ЛОС-АНДЖЕЛЕС

● Джон Клиз